

ЦЕННОСТНЫЙ ГОРИЗОНТ КУЛЬТУРЫ И СМЫСЛ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию современной парадигмы культуры, ее ценностно-мировоззренческих и идеологических оснований. На базе философского анализа и междисциплинарных синергетических принципов раскрывается духовное развитие общества и индивида, смысл образования в контексте необходимых сейчас задач ментально-образовательной реформы.

Ключевые слова: гуманизм и гуманитаризация, сущность и существование человека, самоопределение, смысл образования, ментально-образовательная реформа.

Начнем с того, что существенной особенностью духовного состояния современной России является мировоззренческая растерянность практически всех ее граждан. Используя музыкальный аналог, можно сказать, что ансамблевый принцип «исполнения бытия» сменился индивидуально-солирующим, требующим, не прежних социально-идеологических скреп предписывающего и репрессивного типа, но сущностно нового мироотношения, в основе которого – человек, осознающий себя и свое достоинство («стоимость» до и прежде всяких внешних оценок).

Принцип гуманизма, известный со времен Цицерона в западноевропейской традиции, а еще ранее, Конфуция, рассуждавшего о «человечности» древнекитайского образца, не сводится к абстрактной «любви к человеку»: конкретно он означает серьезное требование рассматривать этого «человека», будь он бомж или президент, не как средство, а как цель. Все индивидуальные достижения, социальная и, даже, духовная карьера сознательно выносятся «за скобки», человек берется по «модулю», как существо, живущее или жившее рядом с тобой на этой, возможно не вечной, Земле. Всякий человек, по факту своего рождения, достоин нашего признания в этом качестве, безусловного уважения, а в христианском контексте – любви.

Гуманитаризация всей человеческой жизни и образования, в частности, и призвана, как раз осуществить принципиальную переориентацию индивида и общества с одной иерархии ценностей (где человек предстает как средство) на другую, вершиной и целью которой является сам человек в подлинном его значении и смысле.

Поиск этого смысла раскрывается понятием «самоопределение», корневой основой которого является не «определение себя», как это часто понимается, а «предел» – диапазон «самости» – того, что предавать нельзя ни в коем случае. «Не стоит прогибаться под изменчивый мир...», слышим мы у А. Макаревича. «Прогибаться» приходится, это данность социального бытия. Но: до каких пределов? Тех, что обозначают твою самость, сущность – кардинальных качеств, образующих твою специфику и уникальность, автономность и самодостаточность. С потерей, которых ты утрачивающих свою индивидуальную идентичность, иначе, предаешь самого себя.

Как нашла этот «предел» золотая рыбка из сказки А.С. Пушкина? Она «отдавалась» за свою жизнь, сначала, корытом, потом дворянством и земным царствованием старухи. Услышав требование: сделать ее «морской царицей», чтоб «служила ей рыбка золотая» и была б у нее «на посылках» ..., рыбка эта повернулась и «ушла в синее море». Цена, которую запросили за ее жизнь – *свобода*, оказалась выше стоимости самой жизни. Так что, сказка А.С. Пушкина – не о наказанной жадности, а о свободе, которая дороже жизни (интерпретация Ст. Рассадина).

Таков ценностный горизонт, и предел культуры, если ее понимать не просто как «возделывание земли» (светский вариант), а как «культ» и производную от него деятельность, возделывающую человеческое начало в человеке.

Мы рождаемся трижды: как биологические существа, не слишком выделяющиеся из мира живых существ (на 90% с лишним подобные по геному не только млекопитающим,

но и... кольчатый червь, как это утверждают биологи); затем, как существа социальные, обретая и до смерти пустую свою личность, вовсе не исчерпывающую Человека.

Третье рождение – душевно-духовное, когда мы осознаем свою связь со своим предназначением и его духовным источником... «Душа – Дух, которому душно в теле». Спасает «весть», получаемая нами совместно с другими людьми (и через них). Так образуется то, что мы называем «со-вестью», а отвечая на эту весть – «ответ – ственностью». Третье рождение, если мы «ответили», состоялось, и человек построил себя доверху: биологическое – социальное – духовное. Он *образовался*. В этом, на наш философский взгляд, и заключается смысл образования, а вовсе не в «обучении плюс воспитании». Образовался – самоопределился.

Развертка гуманитарного измерения всей системы образования от начального до высшего и непрерывного представляет собой не что иное, как ответ на постоянный вызов сущности человека его актуальному *существованию*.

(Сущность – эссенция – система центральных качеств и свойств, отделяющих человека от других субъектов наличием индивидуальной миссии и судьбы; существование – экзистенция – осуществление сущности в реальном бытии человека; конкретно – историческая, в пространстве – времени, развертка сущности).

Смысл образования – в минимизации разрыва между сущностью и существованием: «Познай самого себя и стань таким» (древнегреческий поэт и философ Пиндар). И действительно, где мы являем свою сущность: на работе, дома, с друзьями – врагами и т.д.? «Раздрай» между нею и конкретным существованием поразителен. Философы называют его антропологическим кризисом. Вплоть до катастрофы.

По мнению экзистенциалиста Г. Марселя, мы не обращались бы так часто к идее *человека*, если бы *личность* не находилась на пути к исчезновению... Антропологический поворот, т.е. обращение к человеку, который был начат в XX веке, – ответ на вызов времени, попытка решить задачу обретения человеком утраченной целостности и ценности.

Почему же эта задача не осуществляется современным образованием в полной мере? Дело, очевидно, в особенностях архитектоники образовательного процесса, которая в свою очередь, определяется культурой (в масштабе всего общества) и региональной социообразовательной средой (на местном уровне).

Образовательная деятельность организует в «теле» культуры канал ее содержательного и институционального воспроизводства, осуществляет непрерывную связь индивида с миром культуры. Работа данного канала эффективна только в том случае, когда его структура органична социообразовательной среде, аналогична ей по своему строению.

Архитектоника современного образования является калькой с культуры Нового времени, которое, несмотря на название, новым уже не является.

Культура Нового времени сформировалась (пол влиянием общественного разделения труда) как культура отраслевая. Энциклопедический охват Универсума, настоятельно требуемый сейчас, был ею утрачен. Само понятие «урок» возникло как воплощение отраслевого знания; специализация и дифференциация наук привели к дисциплинарному разбросу принципиально единого на уровне сущности.

Культура Нового времени – рационалистична, она жестко разводит в разные стороны фундаментальное и прикладное знание, выводит за рамки исследования многие иррациональные, но совершенно необходимо проявляющиеся в человеческом бытии аспекты сущности.

Еще одной чертой культуры Нового времени является ее монологичность, просвещенческий характер. Образование, являющееся калькой с такого типа культуры, асимметрично: свет истины идет в одном направлении – от учителя (заведомо мудрого) к ученику («табула раса», или пустой резервуар для знаний). Соответственно асимметричен и процесс оценивания: ученику такого права не дано.

Современная культура конца XX века приобрела существенно иные черты, она уходит от отраслевого принципа деления, отдавая предпочтение процессам интеграции. Но

вый тип рациональности жесткую логику необходимого следования одного явления из другого заменяет вероятностной логикой, вариативностью и ассоциативностью. Монолог сменяется диалогом, с его внутренним паритетом адресанта и адресата.

Современная культура все больше уходит от голой пользы и утилитаризма, выдвигая на первый план свою самооценку, понимаемую как самооценка человека.

Новые черты культуры все больше убеждают в том, что она приближается – по целям и задачам, по своей сущности и внутренней архитектонике – к человеку, к архитектонике человеческого существа и бытия. Сам человек становится модулем этой новой архитектоники культуры. Если же образование желает быть подлинно культурным процессом и формировать целостный духовный облик человека, оно также должно изменить свою архитектуру, критически посмотреть на систему «класс? урок», доставшуюся ей по наследству от прошлого. Иначе говоря, сущностным лекалом для постройки современной образовательной системы должна быть современная культура, которая, в свою очередь, кладет в основу человеческое, антропологическое измерение образования, то есть его *Смысл*.

Само понятие «смысл» этимологически происходит от «мысли»

(«с-мысл»), то есть иметь смысл означает «быть с мыслью», сопровождаться мыслью, быть подвергнутым воздействию мысли. На разных европейских языках с понятием смысл сопряжены «сознание», «разум», но, кроме того, и «чувство», «ощущение». Близки «смыслу» «склонность» (немец.), «намерение» (англ.). Практически во всех языках «осмысливать», «смыслить» означают не что иное, как «понимать», а в словаре В.И. Даля «смысл» прямо трактуется как «способность понимать». В «Краткой философской энциклопедии» [1] смысл онтологизируется в понятии «смысловое содержание», «которое вещь получает благодаря тому, что ей сообщается смысл, или благодаря тому, что раскрывается имманентный [внутренне присущий – Ю.С.] смысл вещи. Смысловое содержание предполагает наличие «акта, сообщающего смысл», благодаря

которому человек ставит эту вещь в связь со своим микрокосмом» [1, с. 420].

Такая трактовка позволяет, вслед за Гуссерлем, практически отождествить понятие «смысл» и «значение», что мы, и наблюдаем в большинстве лингвистических и философских словарей.

Первой теоретической парадигмой в исследовании собственно смысла, в отличие от значения, стала герменевтическая, задавшаяся целью истолковать скрытые смыслы Св. Писания. Затем учение о толковании и понимании истолкованного расширилось, захватив историю, философию, художественное творчество, культуру в целом (В. Дильтей, Т.-Г. Гадамер и др.).

Важную герменевтическую проблему, касающуюся единственности или множественности смыслов слова, выражения, текста, поднял еще Матиас Флациус Иллирийский в XVI веке. По его мнению, они имеют одно значение, но в разных контекстах обнаруживают различные смыслы. Однозначность контекста обуславливает единственность смысла. В такой трактовке значение и смысл совпадают далеко не всегда, и их соотношение определяется контекстом.

Существенным этапом становления герменевтики стала «философия жизни» В. Дильтея, согласно которому «понимание» – не частный аспект теории познания, но фундамент гуманитарного знания вообще или «наук о духе». Так, например, работа историка это «понимающая интерпретация» того, что уже было некогда «схвачено в понятии».

Гуманитарное познание, по Дильтею, принципиально отличается от процедур естествознания. «Понимание» – единственно адекватное средство передачи целостности, именуемой Жизнью. Живое может быть познано только живым образом: прояснением и осмыслением. Избегая психологизма, Дильтей говорит о нетождественности понимания и «вчувствования», выражения и значения. Понимание как воспроизводящее смысл переживание связано не только с индивидуальными психическими актами, но и со сферой идеальных значений объективного вида и происхождения. Смысл, таким образом, несет в себе и объективный, и субъективный план,

схватывается не только дискурсивными, но и недискурсивными формами его выражения.

Концептуальная оппозиция «смысла» и «значения» была задана Готлобом Фреге (соч. «Смысл и денотат»). Значение текста (денотат) объективен как реалья, о которой рассказывает текст. Смысл способ, которым выявляется связь между денотатом и текстом (знаком): это та информация, которую знак несет в своем денотате. Смысл задается более широким контекстом, чем значение, отвечая на вопрос не только «что», но и «как».

По Э. Гуссерлю источником смыслов является актуальный мыслительный опыт человека, интегрирующий разрозненные явления, как единицы некоего текста, в этот целостный текст. Смысл «ангажирован» субъектом, направленным на явление (интенциональность), но он взят не как процесс переживания, а как нечто пережитое. Гуссерль вводит понятие «ноэма» – переживаемый объект как носитель смысла. Его ученик Г. Шпет отрицает синонимичность «смысла» и «значения». Первый он связывает с действительностью вещи, с ее бытием, а второе с ее логическим конструированием в языке.

Мартин Хайдеггер, которому принадлежит знаменитое высказывание «Язык дом бытия», также подходил к пониманию смысла как объективной сущности вещей, явлений. Текст – «место» смысла. Осмысление нечто большее, чем осознание. Оно «отданность» достойному вопрошанию» (Надо ли говорить о том, насколько это касается смысла жизни?).

Для Карла Ясперса, смысл характеризует особое качество взаимосвязи психических явлений в личностно-душевной сфере человека. Смысл «вкладывается» в психические явления не для объяснения, а для понимания их сущности в широком духовном контексте, примером чему может служить «понимающая психология» З. Фрейда.

Смысл жизни, по Ясперсу, определяется нашим положением, местом и ролью в рамках целостного мира, которые в свою очередь, раскрываются в так называемых «пограничных стиханиях» (болезнь, вина, смерть). Само же философствование – это «деятельность, которая производит внутреннее содержание человека и не может знать своего смысла».

Человеческое бытие, при этом, изначально находится в ситуации понимания, истолковать которую – задача герменевтики. Так ее трактовал Г.Г. Гадамер, философская герменевтика которого представляет собой, по выражению П. Рикера, результат «прививки» экзистенциальной феноменологии к традиции герменевтики как теории и практики истолкования текстов. Именно благодаря языку традиция существует как живой континуум; посредством языка становится возможным, по Гадамеру, «действенно-историческое сознание»: понимаемое нами произведение, как бы далеко в истории оно от нас ни отстояло, вступает с нами в диалог, оказываясь частью «события традиции».

По мнению экзистенциалиста Ж. – П. Сартра, смысл является важнейшей категорией философии и феноменом самого бытия, к которому пробивается человеческое сознание. При этом, «этот смысл сам обладает бытием, на основании которого он обнаруживается». Благодаря смыслу, человек спасается от калечащего кошмара бытия и становится свободным. Смысл – порождение индивидуальных проектов бытия, как мира, так и своего собственного.

Еще один известный представитель экзистенциальной философии Пауль Тиллих (работа «Мужество быть») считает смысл выражением способности человека, понимать и формировать свой мир и себя в процессе духовной самореализации. Тем самым, смысл помогаем выстоять перед неустранимо – онтологической тревогой, инициированной «судьбой» и «смертью». Внутренний смысл, связанный с витальностью, жизненно-творческой силой человека, присутствует и в ситуации краха Большого смысла, характерного для XX века.

Мы остановились лишь на некоторых подходах к выявлению «смысла смысла», которые, во-первых, отмечают первостепенную для человека важность смыслообразующей проблематики во всех областях Духа: от художественного, социального, философского его бытия до религиозного; во-вторых, демонстрируют его принадлежность к сфере понимания (герменевтика); в-третьих, требуют различения понятий «значение» и «смысл» как взаимосвязанных и, в то же время, специ-

фичных, отражающих разные ступени понимания какой-либо вещи.

В целом, вырисовывается следующая триада: Знак? Значение? Смысл.

Знак? вещь, указывающая на что-либо иное, нечто (денотат), взятая именно в этой функции указания.

Виды знаков лежат в диапазоне от «иколического» знака, непосредственно отображающего денотат (например, фотография, рисунок), до символа, далее всего отстоящего от денотата (эмблема, герб, слоган и т.п.). По Дж. Миду, «осознание значения символов – решающий момент в осознании «Я», ибо означает факт становления символического мышления, которое делает возможным как обращение при помощи общезначимых символов к другим людям, так и мысленный разговор с самим собой».

Если «знак» создает возможность осознания, то «значение» представление, возникающее при усвоении знака: «Эффективное окружение, в котором живут люди, может рассматриваться как система значений, упорядочивающих способы действия... Большинство значений по существу таковы, какими люди согласились их считать... То, что люди обычно называют «реальностью», есть рабочая ориентация, относительно которой существует высокая степень согласия» (Т. Шибутани).

Значение связано с социально обобщенным отображением объектов, которое может иметь как теоретическое, так и праксеологическое выражение (что есть вещь и зачем она нужна?). Система значений объединяет людей на какой-либо основе понимания, способствует их коммуникации и в чем-то усредняет, нивелирует, т.к. акцент здесь делается на общности представлений.

Смысл – это «значение значения», индивидуально освоенное значение, связывающее объект – носитель значения с индивидуальным опытом человека, с его личностным мироотношением и мировоззрением, с его потребностями, мотивами и целями. Смысл индивидуален, эмоционально-лично окрашен и превращает общезначимый объем в индивидуально значимый и важный.

Гуманитаризация образования представляет собой важнейшую насущную задачу, стоящую не только перед Россией, но и перед

всем мировым сообществом. Необходимость гуманитаризации связана с серьезным кризисом цивилизации Земли, который выразился в разных сферах ее существования, экономической, политической, социальной, экологической и т.д.

Современное общество все больше осознает тот факт, что цивилизованный кризис вызван, прежде всего, духовными провалами в человеческом развитии, ложной мировоззренческой ориентацией на чисто преобразовательскую парадигму бытия. Рационализация познания, технократизация существования, манипуляторские тенденции в политике и утилитарно – прагматические подходы в духовной жизни привели к потере в человеке подлинно человеческого содержания. Он превратился в фактор производства, в «социальный атом», в избирательный голос, в потребителя и клиента (феномен отчуждения человека). Человек утратил энциклопедическое и, универсальное видение Большого мира, не входящего в сферу его непосредственной деятельности и интересов, так как социальный мир перестал относиться целостно к самому человеку.

Не случайно мы являемся свидетелями идущих сейчас в России лихорадочных поисков общенациональной идеологии, которая бы «все объяснила», указала «точку», в которой находится общество, пути выхода из кризиса, цели и ресурсы такого движения, наконец, вселило бы уверенность и оптимистический настрой в граждан. Выработка новой общероссийской идеологии затруднена хаотическими процессами в политической, экономической и культурной сферах общества, но отсутствие такой идеологии, в свою очередь, препятствует нормализации жизни в общественных сферах. Как выйти из этого порочного круга? Обратимся к идеологии.

Идеология как определенная система взглядов, идей, теоретических принципов стимулирования и анализа общественной жизнедеятельности отличается прагматической ориентацией, политическим активизмом и, вследствие этого, схематически огрубленным подходом к действительности (к тому же не всей, а преимущественно, социальной).

Более целостным, системно-универсальным, политически неангажированным типом

мироотношения является философия. На уровне социального существования она представлена профессионально-специализированным видом деятельности соответствующе подготовленных для этого людей (философов-исследователей и преподавателей). Второй – более широкий план существования философии в социуме – это философия как всеобщая модальность сознания. В этом своем качестве философия не является принадлежностью, видом занятия определенной группы людей, а образует одну из важнейших духовных координат мироотношения всех людей и каждого индивида в отдельности. В этом аспекте можно говорить об общенациональной (общероссийской) философии как «идеологии» более глубокого и специфического вида.

Идеология, как таковая, возникает на базе этой всеобщей модальности сознания, «кристаллизуя» ее и оформляя в социально и политически санкционированные структуры.

После этого происходит следующий процесс: «свободные радикалы» неспециализированных философов «связываются» идеологическими структурами, и в общественном сознании возникает философский вакуум, заполняемый либо общественно-психологическими предрассудками, «мнениями» и стереотипами, либо философами и идеоформами, поступающими извне («из прошлого» или «издалека»).

Таким образом, идеология и неспециализированная «общественная философия» сосуществуют, тесня, и взаимодополняя друг друга, наподобие жидкости в сообщающихся сосудах, выступая поочередно в роли доминанты и аутсайдера в различные исторические периоды.

Современная российская ситуация интересна тем, что данные духовные структуры, как и все развитие России, находятся в состоянии неустойчивого равновесия синергетического типа и, следовательно при их анализе можно использовать представления о неустойчивости как фундаментальной характеристике процессов изменения, о бифуркационных точках ветвления альтернативных путей развития, о становлении порядка через хаос.

Известны следующие синергетические принципы:

1. сложноорганизованным системам нельзя навязывать путь их развития, необходимо способствовать имманентным тенденциям их движения (управляемое развитие должно быть трансформировано в самоуправляемое развитие системы);

2. хаос осуществляет связь разных уровней организации, то есть выступает в качестве создающего начала новой организации системы;

3. эволюционный путь не единственен, существует несколько альтернативных путей развития, создающих возможность выбора, но, одновременно, и повышающих ответственность за него;

4. даже малый, незначительный фактор (действие одного человека, например) может существенно повлиять на макропроцессы;

5. наличное состояние системы детерминировано не только ее прошлым, но и будущим порядком;

6. согласование частей в целое осуществляется принципиально по-новому, через установление общего темпа развития частей целого и сосуществование разновозрастных структур в одном темпоритме;

7. в оптимизации управления системой главное – не сила, а правильная топологическая конфигурация, архитектура воздействия на сложную систему. Очень эффективны малые, но правильно резонансно-организованные воздействия на сложную систему.

(См. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным) (Вопр. философии, 1992, №12, с.4,5).

Разумеется, принципы синергетики еще сами нуждаются в длительной шлифовке; их эксплуатация во «внешнем» материале, в каких-то практических приложениях требует выделения опосредующих звеньев, однако они, несомненно, обладают эвристической ценностью уже сейчас и непосредственно. Хорошее «рабочее» значение, например, имеет понятие «структура-аттрактор эволюции» – такое целостное образование в процессе, которое заставляет эволюционировать к себе системы, попадающие в поле его притяжения.

Что могло бы стать сегодня, в непростой общественной ситуации, таким аттрактором? Экономические или политические структуры необходимой устойчивостью для этого не обладают. Аттрактор устойчивого развития, очевидно, следовало бы искать среди структур, а) опирающихся на глубокие ментальные слои жизнедеятельности общества, б) способствующих духовно-практической самоидентификации России и выбору своего собственного образа и своей судьбы в мировых контурах бытия.

Можно предположить, что таким аттрактором общественной эволюции должна стать образовательная система России. Эта роль ставит перед ней принципиально новые задачи, требует перестановки основных приоритетов: духовного перед бездуховным (но выгодным), конкретного – идеального перед абстрактно-материальным, целостно-интуитивного перед часто-эмпирическим. Это означает осуществление Ментально – Образовательной реформы, касающейся не только учреждений просвещения, но и всех общественных структур.

В отличие от социальных реформ, чаще всего лишь меняющих внешние формы жиз-

недеятельности (по принципу «смены вывесок»), ментально-образовательная реформа должна привести к глубинной мировоззренческой самоидентификации России, и в отличие от педагогических реформ, она должна разрушить стену между образованием и социализацией, между обучением и воспитанием.

Цели и задачи ментально-образовательной реформы должны исходить не из ситуативно – санкционированных норм, образцов и идеалов любого происхождения, а из научно и философски осмысленных представлений о природе, возможностях и назначении человека. Для системы образования это означает ее философизацию, совпадающую, таким образом, с подлинной гуманитаризацией.

Смена основной общественно – образовательной парадигмы, декларативно заявляемой на разных уровнях, должна, наконец, совершиться, и важную роль здесь сыграет школа. Она «может создать в проекте такой тип общества, который нам хотелось бы осуществить. Влияя на умы в этом направлении, мы постепенно изменили бы и характер взрослого общества» (Дж. Дьюи).

18.01.11

Список литературы:

1. Краткая философская энциклопедия. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия». 1994. – 576 с.

Сведения об авторе: **Стрелец Юрий Шлемович**, заведующий кафедрой философской антропологии, факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел. (3532)372586, e-mail: fila@mail.osu.ru

UDC 371:140.8

Strelets Yu. Sh.

VALUE HORIZON OF CULTURE AND MEANING OF EDUCATION

Article is devoted to research of a modern paradigm of culture, its values, world outlook and ideological bases. The author reveals spiritual development of a society and the individual, sense of education in a context of necessary mental and educational reform on the basis of the philosophical analysis and interdisciplinary and synergetic principles.

Keywords: humanism and humanisation, essence and existence of the person, self-determination, sense of education, mental and educational reform.

Bibliography:

1. Concise Encyclopedia of philosophy. – Moscow: Publishing Group «Progress» – «Encyclopedia». 1994. – 576.